

Куй У, разумеется, не собирался спорить о мелочах, ни уж тем более обижаться на мать с дочерью. Он сразу перешёл к делу:

— Я хотел попросить тебя, Сян-дасао. Не знаю, найдётся ли у тебя сейчас время, не могла бы ты прийти ко мне и помочь приготовить немного еды?

— Время есть, конечно, — сразу отозвалась Сян-дасао. За столько лет помощи и защиты со стороны Куй У она, разумеется, не могла ему отказать в такой малости. Однако, оставлять дочь одну дома было для неё не по душе. Поэтому она обернулась и сказала:

— Я не могу оставить тебя одну. Пойдём со мной, поможешь что-нибудь, заодно и под рукой будешь.

Дочь Сян косо взглянула на Куй У, сдержанно кивнула и, не говоря ни слова, принялась собираться.

— Благодарю за беспокойство, Сян-дасао, и тебя тоже, сяоцзянь*, — коротко поблагодарил Куй У.

(ПП: Сян-сяоцзянь - младшая из семьи Сян)

— Да пустяки, — улыбнулась Сян-дасао. — Не о чём говорить.

Только тогда Сян-сяоцзянь, расслабившись, наконец отбросила деревянную палку, взяла мать под руку, и они вдвоём вышли за порог. Только вот, стоило дочери Сян потянуться к дверному засову, как та самая дверь вдруг качнулась... и с лёгким глухим звуком сорвалась с петель, рухнув прямо перед ними.

— Э... — Сян-сяоцзянь ошарашенно уставилась на свои руки. — Я ведь... не настолько сильная?..

Куй У, ничуть не удивившись, бросил взгляд на дверь:

— Наверное, это я. Видимо, в прошлый раз не рассчитал силу и повредил доску. Подождите немного, сейчас починю.

Пока Куй У чинил дверь, Сян-дасао отозвала дочь в сторону и, понизив голос, резко прошипела:

— Ты уже взрослая, могла бы хоть немного думать, как себя ведёшь. Даже если тебе Куй-далан не по душе, не стоит это выставлять напоказ. Сейчас мы с тобой вдвоём, и в нашей жизни он единственный, на кого можно опереться.

Видя, как дочь недовольно кривит губы, Сян-дасао тяжело вздохнула и вновь принялась терпеливо повторять одни и те же, набившие оскомину слова:

— Да, у нас сейчас есть немного серебра, нам на жизнь хватает. Но ты подумай сама: как нам, вдвоём с тобой, удержать его? Если бы не Куй-далан, что часто присматривает за нами, давно бы уже нашлись те, кто пришёл бы отнимать последнее.

Сян-дасао говорила мягко, но с нажимом, будто впечатывая каждое слово в сердце дочери:

— Я и сама думала: чтобы не тревожить Куй-далана, найти себе мужчину, выйти снова замуж... Да как потом быть с тобой? Богатый на вдову и не взглянет, а бедный - так мы его ещё и сами содержать будем. А эти деньги... это же выкуп за жизнь твоего отца. Даже если я умру, я не могу позволить, чтобы они пошли на пропитание другому мужчине.

Она протянула руку и ласково обняла дочь за плечи.

— Вот я и думаю: ты потерпи немного. Доживём до лучших времён, найдём тебе хорошего человека, выдадим тебя замуж, а серебро всё тебе в приданое отдам. А там уж я и сама смогу как-нибудь устроиться, может, и выйду за кого, только тогда уже точно не буду никому в тягость. Ни тебе, ни Куй-далану.

У дочери Сян от этих слов на глазах выступили слёзы, она всхлипнула:

— Это я во всём виновата... если бы не я, ты бы не мучилась так.

— Что ты говоришь, глупышка, — укоризненно покачала головой мать. — Ты же моя дочь. Разве мать может считать, что ребёнок ей в тягость? Просто... мне больно видеть, как тебе приходится терпеть, встречаться с Куй-даланом, когда ты его боишься и не выносишь.

На этих словах Сян-дасао тяжело вздохнула ещё раз, с ноткой облегчения:

— Но хорошо хоть, что он уже женился. Значит, теперь, надеюсь, тебе не придётся больше с ним сталкиваться.

Дочь Сян от злости топнула ногой:

— Да куда он не делся, продолжает совать нос! Если бы не хотел меня тревожить, не стал бы звать тебя готовить! Это же очевидный предлог! Что мы не знаем, кто такой этот Куй-далан? За время своих торговых поездок чего он только не ел - сырое мясо, кору, корешки... что ни кинь в кипяток, всё у него лакомство! И вот теперь вдруг стал изысканным гурманом? Это же

смешно! Он просто ищет повод ко мне приблизиться!

Говорила она с досадой, ярость и обида сквозили в каждом слове. Сян-дасао, конечно, всё это понимала, и у самой сердце щемило от бессилия. Но даже осознавая всё это, она ничего не могла поделать. Их жизнь как на ладони: вдова с дочерью, без поддержки, без опоры. А если по-настоящему рассориться с Куй-даланом, лишиться его защиты, тогда всё, конец. В городе их никто не пощадит.

А тем временем сам Куй-далан за несколько минут управился с починкой двери. Подняв как пушинку деревянную створку, он ловко приладил её обратно, накиннул засов и, только убедившись, что всё держится как надо, повернулся к женщинам и жестом пригласил следовать за ним.

Он открыл засов и широко распахнул входную дверь.

— Прощу, заходите, — приглушённо произнёс он.

Сян-сяоцзянь вошла в дом с привычной уверенностью, не оглядывалась и не мялась. Это было не в первый раз, до этого Куй-далан уже звал их помогать с работой по дому. Обычно это были занятия, в которых требовалась женская рука: починить одежду, подшить что-то или приготовить еду. И делал он это не просто так. Во-первых, чтобы остальные в городе видели: семью Сян он опекает. Во-вторых, зима на носу, холода. А у вдовы с дочерью и дров-то, считай, нет. В собственном доме они и впрямь сэкономили на всём, руки мёрзли. А тут, у него, можно разжечь лишний очаг и согреться.

Вот почему дочь Сян, войдя в дом, по привычке сразу направилась в комнату, вовсе не вспомнив слов Куй-далана о том, что пригласил их исключительно ради готовки. А может, и не забыла, просто и не восприняла всерьёз, решив, что всё сказанное было не более чем предлог, очередной повод сблизиться.

Но стоило ей приподнять уголок дверной занавеси, как за спиной раздался голос Куй-далана:

— Тебе нельзя заходить внутрь.

— А? — дочь Сян оторопела, рука так и застыла в воздухе, а сама будто забыла, как двигаться.

Куй-далан нахмурился, недовольно поясняя:

— Мой фулан болен, только что выпил лекарство, сейчас лежит в комнате. А ты незамужняя девица, тебе туда нельзя. Неприлично.

И, не обращая больше внимания на девушку, повернулся к Сян-дасао, продолжая уже к ней:

— У моего фулана сейчас слабый аппетит из-за болезни, но я хотел бы порадовать его чем-нибудь вкусным, и заодно подкормить. Сам я, признаться, готовлю из рук вон плохо, вот и подумал попросить вас о помощи. Простите за беспокойство.

Произнося всё это, Куй У и впрямь выглядел совершенно серьёзным, ни капли не смущаясь. Будто бы не он лично видел, как «больной с высокой температурой», едва разлепив веки, умял подряд три огромные чашки кукурузной каши, да так, что только ложка звенела. Причём, если первую он хоть как-то ел с виду аккуратно, то две остальные исчезли со скоростью, достойной поощрения. И всё-таки, по меркам самого Куй У, способного за один приём уничтожить целый шэн зерна или десяток мясных баоцзы, не считая ещё пары кусков мяса с кулачище величиной, аппетит супруга действительно можно было назвать «небольшим».

Увидев, как её дочь стоит у дверей, пунцовая от смущения и не зная, войти или отступить, Сян-дасао поспешила сменить тему, чтобы выручить её:

— Я поняла, всё сделаем. Дочь, иди, помоги мне растопить очаг.

Сян-сяоцзянь поплелась за матерью, вся кипя от унижения, но вынуждена была покориться.

Пока Сян-дасао ловко разжигала огонь в печи, она повернулась к Куй У и спросила:

— Далан, что готовить-то будем?

— Свари курицу, — ответил тот, даже не раздумывая. — Моему фулану нужно подкрепиться. Бульон пойдёт для восстановления сил, а потом и рис в нём можно замочить, тогда съест больше.

— Курицу? — только и успела переспросить Сян-дасао, но не успела договорить, как Куй У уже в два шага вышел во двор и направился ловить птицу.

Эта курица, может, и не представляла особой ценности в столице, где даже бедняк при случае мог позволить себе птицу на обед. Но ведь здесь не столица, здесь Дишуй, приграничный город, нередко страдающий от набегов варваров. Завести скотину или птицу тут было делом хлопотным: год её растишь-растишь, а как налетят, всё подчистую унесут. Потому-то каждая живая душа во дворе на вес золота. Если у кого-то в хозяйстве и оставалась лишняя живность, её скорее продавали, чем ели. За курицу можно было выручить больше тридцати вэней, а за тридцать вэней, между прочим, покупался целый доу риса, которого одному человеку хватало на десять дней.

В доме Сян-дасао, где остались лишь она и дочь, этого самого доу могло хватить на семь-восемь дней. Потому, когда Куй У завёл разговор о курице, у Сян-дасао защемило сердце. Но Куй У и слушать ничего не стал: к тому моменту, как она собралась заговорить, он уже перерезал курице горло, слил кровь и занялся ошипыванием.

Что уж тут скажешь, ничего не оставалось, как взять курицу и заняться делом.

По правде говоря, откуда у Сян-дасао кулинарный талант, она была родом из крестьян, а не из поваров. Просто на фоне Куй У она выглядела более умелой. Она вымыла тушку, положила в глиняный горшок, подсыпала немного соли, бросила горсть нарезанного зелёного лука. Ни имбиря, ни чеснока, про какие-либо иные специи и говорить не приходилось.

Осталось поставить всё это на медленный огонь и томить. Примерно через полчаса ароматный пар начал струиться из-под крышки, наполняя весь дом аппетитным запахом куриного бульона.

Куй У уже давно не ел курятины. Едва ароматный пар ударил в ноздри, он так сглотнул, что кадык дернулся - громко, жадно, почти со звуком. Сян-дасао, заметив, как у него засверкали глаза, слабо улыбнулась, налила чашку бульона и протянула ему:

— На, Куй-далан, попей. Потом ещё налью, отнесёшь супругу.

Но Куй У лишь бросил взгляд на скромный глиняный горшок на очаге - его объёма хватит разве что на четыре, может, пять чашек. Совсем немного. Если он сейчас выпьет, его супругу достанется ещё меньше. Сам он, с такой-то массой тела, может и водой насытиться, а вот его хрупкому, едва очнувшемуся от жара молоденькому фулану нужно куда больше.

— Не надо, — отрезал Куй У. Объяснять ничего не стал, счёл это лишним. Молча взял чашку с бульоном и направился в комнату.

А в это время на постели Цинь Хэ уже давно лежал с широко раскрытыми глазами, вдыхая пьянящий запах куриного бульона. Он проснулся именно от него. После всех тех лет выживания в постапокалипсисе, когда целью было просто не умереть, где уж ему было мечтать о курице. Обычный человек, без сверхспособностей, он в лучшем случае ел варёную крапиву да сухари. Там, в прежней жизни, само по себе вдыхание подобного аромата уже было как видение из сна, как блаженство.

А теперь, боже мой... сейчас ему казалось, что он где-то в раю.

Увидев, что Цинь Хэ проснулся, Куй У первым делом приложил свою ладонь ко лбу молодого супруга. Ладонь была огромной, словно веер, и почти полностью закрыла узкое лицо. Куй У подержал так немного, убедился, что жар спал, и только тогда выдохнул с облегчением.

— Я позвал Сян-дасао из семьи Сян, чтобы она сварила куриный бульон, — сказал он своим хрипловатым голосом. — Попробуй, каков на вкус.

— Мне? — Цинь Хэ в изумлении ткнул пальцем в свой нос, будто не поверил, что речь идёт о нём.

Даже если это и не был конец света, но память прежнего владельца тела подсказывала: курица - это редкость. Хорошо, если к новогоднему празднику удастся убить одну. А тут ни с того ни с сего, просто так, куриный бульон? Да ещё от этого самого Куй У, чьё имя до дрожи пугало весь городок Дишуй.

В памяти Цинь Хэ Куй У был настоящим Асурой, демоном в человеческом облике, свирепым и беспощадным. Предыдущий хозяин этого тела так боялся свадьбы с ним, что даже бросился в реку. Лучше смерть, лишь бы не попасть в руки к этой легенде, носившей прозвище «Шашэнь». Тогда его, конечно, вытащили, но на холоде он заболел, поднялся жар, а дома даже лекарства не дали, просто засунули в свадебный паланкин и отправили прямо в пасть льву.

А теперь... теперь ему подносят чашку куриного бульона.

Всё это казалось нереальным, словно сон. Цинь Хэ не знал, как реагировать, в голове роились подозрения: "Он и правда так добр ко мне? Или просто хочет смягчить, прежде чем начнёт ломать?"

Куй У не знал мыслей Цинь Хэ. Он знал только, что его фулан не хотел куриного супа. Он даже не хотел такой вкуснятины. Неужели он всё ещё...

В тот же миг лицо Куй У потемнело, как у Чжун Куя*. Не говоря ни слова, он протянул руку и, как медведь, что унюхал добычу, бесцеремонно схватил Цинь Хэ за подбородок, силой разжал челюсть и принялся вливать бульон прямо в рот.

(ПП: Чжун Куй - божество в китайском фольклоре, посвящённое изгнанию призраков, отпугиванию злых духов и защите дома. Его часто изображают с гневным лицом и выпученными глазами)

Цинь Хэ этого не ожидал - горячий отвар попал в горло сразу, обжёг язык, часть пролилась на шею, пропитав ворот халата. Очнувшись, он всё же не стал возмущаться, наоборот, поспешно перехватил чашку и сам начал жадно пить, громко глотая. Куриного запаха было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым, но когда горячая, наваристая, солоноватая жидкость коснулась языка... Цинь Хэ невольно зажмурился от наслаждения. Да, это было потрясающе вкусно.

Он откинулся на подушки, вытирая рот и шею первым, что попало под руку - полотенцем, валявшимся на краю кровати. Никакой обиды на грубость Куй У он не чувствовал. Этот человек, да, он чересчур прямолинеен, резок, как медведь в лавке. Но ведь дал... дал ему, новому супругу, куриный бульон. Настоящий! Даже если и влил насильно, что с того? Может, не будь Куй У таким, его бы и не отдали в эту семью. Может, только благодаря дурной славе у этого мужчины вообще появилась возможность взять себе в супруги столь красивого шуаньэра.

А если вспомнить прежнюю жизнь, в мире, полном мрака, вирусов и зомби, то... о чём говорить? Там за бульон и руку можно было отгрызть. Не то что грубость, там бы за чашку куриного супа люди бы в очередь дрались.

Цинь Хэ тихо облизнул губы, у него внутри всё ещё звенело от послевкусия. Он взглянул на Куй У, словно опасаясь быть слишком навязчивым, и осторожно спросил:

— А... можно мне ещё чашечку?

Куй У только коротко кивнул и пророкотал:

— Жди.

Он развернулся и широким шагом направился в кухню. Там, едва ступив через порог, он столкнулся с Сян-дасао. Та, заметив его возвращение, сразу улыбнулась:

— Выходит, брату Циню понравилось?

Куй У буркнул что-то нечленораздельное, но утвердительное, и шагнул к котелку.

Сян-дасао, убедившись, что Куй У вернулся с пустой чашкой, спокойно добавила:

— Ну, раз так, мы не будем больше задерживаться. Я с дочерью пойду домой.

Сказав это, она оглядела дочь с ног до головы, а затем перевела взгляд на чашку бульона, что изначально предназначалась Куй У, но так и осталась нетронутой на краю печи. После небольшой паузы, будто борясь с собой, она всё же решилась:

— Далан, ты ведь знаешь, у моей девочки тоже слабое здоровье. Я уж наберусь наглости, попрошу у тебя эту чашку бульона. Возьму домой, пусть и она подкрепится.

Куй У метнул взгляд на ту самую "девочку", что демонстративно стояла в стороне. Его глаза сузились, и он, впервые, по-настоящему окинул её внимательным взглядом с головы до ног. Не с тем прищуром, каким смотрят на женщин, а с холодной оценкой.

«Вот это она называет слабым здоровьем?» — мысленно усмехнулся Куй У. — «Да она рядом с моим фуланом как жирная свинья!»

В памяти тут же всплыл образ Цинь Хэ - кожа белая, нежная, с тончайшими венками под кожей. А талия... Да он сам двумя ладонями может её охватить! Тогда как у этой девицы, что стоит рядом с матерью, на такую талию и трёх его ладоней мало будет.

Глаза Куй У чуть затуманились, дыхание сбилось. Он вспомнил, как легко оставались синяки на теле его шуаньэра - стоит чуть сильнее прикоснуться, как остаётся след. И всё это принадлежит ему. Только ему. Нежное, податливое, маленькое... Его.

Он шумно втянул носом воздух, будто пробуждаясь от этих мыслей. «Какое мне дело до того, слабая Сян-сяоцзянь или нет? — подумал он. — В конце концов, ночью я сплю со своим фуланом, главное откормить его получше.»

Куй У задумался на мгновение, потом полез в карман, вытащил оттуда две медные монеты и молча вложил их в руку Сян-дасао:

— У эр-лана, в закусочной у восточной заставы, всегда есть куриный бульон. Вкусный, наваристый. Купи своей дочери, пусть и она подкрепится.

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, развернулся, подошёл к очагу и аккуратно перелил оставшийся суп в глиняный горшочек. Затем, не оборачиваясь, буркнул:

— Сян-дасао, ступай. Провожать не стану.

Сян-дасао стояла растерянная, сжимая в ладони две звенящие монеты, словно не зная, принять это как заботу или как унижение. А её дочь уже кипела от ярости. Грубо откинув дверную занавеску, та вылетела из дома, с силой хлопнув ею напоследок.

Лишь когда порыв ветра донёс до кухни колыхание той занавеси, Сян-дасао словно очнулась и поспешила за дочерью прочь.

<http://bllate.org/book/13598/1205815>